

Московкин Леонид Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
l.moskovkin@spbu.ru

Коврижжина Дарья Геннадьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
dasha2509@inbox.ru

Русский язык в нарративах двух поколений русско-немецких билингвов*

Для цитирования: Московкин Л. В., Коврижжина Д. Г. Русский язык в нарративах двух поколений русско-немецких билингвов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (4): 858–871. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.411>

В статье рассматриваются социолингвистические особенности русской речи 20 семей русско-немецких билингвов, проживающих в Германии. Информантами выступили взрослые билингвы в возрасте 35–50 лет, переселившиеся в эту страну в 1990–2010-х гг., и их дети в возрасте 10–15 лет, родившиеся в Германии или прибывшие туда в раннем возрасте. Актуальность исследования обусловлена важностью изучения состояния русского языка в семьях российских соотечественников, проживающих за рубежом, его сохранения и развития. Цель исследования — определить, какими подсистемами русского национального языка владеют члены семей русско-немецких билингвов. Материал исследования: транскрипты диктофонных записей рассказов по картинкам из книги М. Майера «Лягушка, где ты?» Методы исследования: лингвистическое наблюдение, описательный, статистический и сравнительный методы, метод типологического анализа. В результате исследования выявлены четыре группы семей по отношению к нормативности русской речи в нарративах. В первой группе семей речь родителей и детей соответствует нормам литературного языка. Во второй группе речь родителей и детей содержит элементы просторечия. В третьей группе речь родителей соответствует нормам литературного языка, а в речи детей содержатся элементы просторечия. В четвертой — речь детей соответствует нормам литературного языка, а в речи родителей содержатся элементы просторечия. Дана интерпретация использования подсистем русского языка в каждой группе с позиций социолингвистики. Установлено, что средством общения в 25 % семей является литературный язык, в 75 % семей — просторечие. Описаны примеры языковой аттриции в семьях, использующих в общении просторечие. В заключении сделан вывод о том, что литературный язык в исследуемых группах не подвержен аттриции, что имеет не только социолингвистическое, но и лингводидактическое значение, так как свидетельствует о необходимости обучения ему детей соотечественников как важного фактора сохранения русского языка в диаспоре.

Ключевые слова: русский язык, Германия, русско-немецкие билингвы, литературный язык, просторечие.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04401 «Русский язык в Германии: межпоколенческие изменения»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Введение

Одной из задач исследований русского языка проживающих за рубежом российских соотечественников и выходцев из бывших советских республик является изучение речи родителей и детей в рамках одной или нескольких семей. Это обусловлено тем, что русский язык в диаспоре сохраняется главным образом как семейный язык, и в силу этого речь детей, родившихся в зарубежных странах или переехавших туда вместе с родителями в раннем детстве, неизбежно испытывает влияние речи родителей (родительского инпута, см. [Pires, Rothman 2009; Klassert, Gagarina 2010] и др.). Вместе с тем в речи детей и их родителей могут наблюдаться не только сходные языковые явления, характеризующие их семейный язык, но и различия, обусловленные влиянием русскоязычного окружения вне семьи. Кроме того, поскольку проживающие за рубежом представители русскоязычных семей, как правило, являются билингвами, их русская речь испытывает и влияние доминирующего в той или иной стране языка.

В научной литературе домашний, или семейный, русский язык в России исследовался в небольшом количестве научных работ, связанных с рассмотрением речевого общения в малых социальных группах, одной из которых и является семья [Крысин 1989а; Кукушкина 1989; Капанадзе 1989; Занадворова 2003а; 2003б; Байкулова 2006; Михайлова, Михайлова 2018]. Несмотря на то что в данных работах рассматривается общение не в билингвальных, а в монолингвальных семьях, описанные в них закономерности и характеристики имеют общий характер. К особенностям малых социальных групп относятся их речевая гомогенность (наличие общей для всех членов группы совокупности языковых средств) и диглосность членов этих групп (человек обычно принадлежит к нескольким малым социальным группам, в каждой из которых имеются свои особенности общения и, соответственно, используется свой набор языковых средств) [Крысин 1989а: 82–85].

Существуют и исследования русского языка в семьях билингвов — эмигрантов из русскоязычных стран и их детей, носителей унаследованного (эритажного) русского языка¹. Изучены процессы аттриции (утраты) первого языка у взрослых билингвов, покинувших свою страну в зрелом возрасте [Schmid, Köpke 2007], и аттриции унаследованного языка у их детей [Bylund 2009; Montrul 2008; Pallier 2007]. Определено, что аттриция является одним из процессов, формирующих развитие унаследованного языка [Benmamoun, Montrul, Polinsky 2013: 133]. Кроме того, было установлено, что развитие унаследованного русского языка в большей степени связано с возрастом, чем с продолжительностью воздействия доминирующего языка, а также что оно прежде всего зависит от объема семейного общения [Gagarina et al. 2014: 80].

Для настоящей работы оказывается значимым положение о неоднородности уровня владения семейным языком билингвов в рамках одной и той же возрастной группы [Polinsky 2018; Лыпкань 2022]. Установлено, что уровень владения русским языком может быть разным в зависимости не только от объема семейного обще-

¹ Носители унаследованного языка (heritage speakers) — это ранние билингвы, овладевшие этим языком (L1) и языком большинства (L2) либо одновременно, либо последовательно в раннем детстве (примерно в возрасте до 5 лет), но для которых в какой-то момент L2 становится основным, доминирующим языком [Polinsky, Kagan 2007: 368; Benmamoun, Montrul, Polinsky 2013: 133].

ния, но и от страны проживания, истории эмиграции и различных факторов окружающей среды [Gagarina, Klassert 2018].

Второе важное для настоящей статьи положение обосновывает специфику семейного языка. В ряде работ делается вывод о том, что этот язык, являющийся разговорным, в значительной степени отличается от литературного [Andrews 2006; Benmamoun, Montrul, Polinsky 2010; Polinsky 2015; Ястребова 2018]. Например, в русскоязычной диаспоре в США некоторое время был распространен южнорусский (одесский) вариант разговорного русского языка, а затем ему на смену пришел среднерусский вариант [Dubinina, Polinsky 2012].

В настоящей статье рассматривается такое качество русской речи русско-немецких билингов, проживающих в Германии, как ее соответствие нормам литературного языка. Поскольку российские соотечественники на родине входили в разные социальные группы и владели разными подсистемами русского национального языка², естественно предположить, что и в Германии их речь может оставаться как нормативной, так и ненормативной, а также что это качество их речи может передаваться их детям. Исследование данного вопроса помогает понять, на каком русском языке общаются соотечественники, проживающие в Германии, владеют ли они литературным языком, имеются ли варианты владения разными подсистемами русского языка в рамках одной семьи. Решению этих вопросов посвящено настоящее исследование.

Методология исследования

Цель исследования — определить, какими подсистемами русского языка владеют члены семей русско-немецких билингов, проживающих в Германии.

В ходе реализации указанной цели исследовалась речь 20 семей.

Родители, 22 человека, среди которых 17 женщин и 5 мужчин, ранее проживали в России (13), на Украине (8), в Белоруссии (1). Все они прибыли в Германию в 1990–2010-х гг. в возрасте 23–36 лет и находятся там от 7 до 18 лет. В настоящее время их возраст — 35–51 год. 20 из них имеют высшее образование, полученное на родине, все они владеют русским и немецким языками.

Их дети — 26 человек, среди которых 13 девочек и 13 мальчиков в возрасте 10–15 лет. Из них 21 родился в Германии, в земле Северный Рейн — Вестфалия, 5 прибыли в Германию в дошкольном возрасте (от 1 до 7 лет). Все они владеют русским и немецким языками, обучаются в немецких гимназиях, все изучают английский язык, посещают или посещали субботние или воскресные русские школы.

Материалом исследования послужили транскрипты записей рассказов по картинкам из книги М. Майера «Лягушка, где ты?»³. Эта книга, называемая также «frogstogy», содержит 24 картинки, описывающих похождения мальчика и его собаки, которые отправились разыскивать убежавшую от них лягушку. В исследованиях билингвизма она используется на протяжении последних 35 лет и хорошо зарекомендовала себя в качестве стимульного материала (см. [Bamberg 1987; Berman,

² К подсистемам русского национального языка относят литературный язык, территориальные диалекты, просторечие, профессиональные жаргоны, групповые жаргоны, молодежный жаргон [Крысин 1989б: 32–79].

³ Mayer M. *Frog, Where Are You?* New York: Penguin Young Readers Group, 1969.

Slobin 1994; Anstatt 2010; 2011; Polinsky 2008] и др.). Выбор именно этого материала исследования был обусловлен тем, что нарративы, будучи более осознанными и произвольными построениями, чем спонтанная речь, дают более точное представление о сохранении литературного русского языка в условиях диаспоры.

Записи рассказов по картинкам, проводившиеся в русском культурном центре «Исток» и в еврейском языковом центре Yahad Haverim Verein в г. Бохум (Германия, Северный Рейн — Вестфалия) в 2021 и 2023 гг., в дальнейшем были транскрибированы и подвергнуты анализу с точки зрения наличия в них отклонений от норм литературного русского языка. При этом разграничивались явления русского просторечия и отклонения от норм, вызванные контактной и внутривидовой аттрицией [Körke, Schmid 2004: 5].

Основным объектом анализа выступил лексический аспект русской речи билингвов, так как именно в лексике наиболее ярко проявляют себя особенности подсистем русского национального языка. Вместе с тем в статье приводятся и примеры отклонений от фонетических и грамматических норм.

Методы исследования: лингвистическое наблюдение, описательный, статистический и сравнительный методы, метод типологического анализа. Процедура исследования была следующей: выявлялись и описывались случаи отклонений от лексических норм в транскриптах записей рассказов по картинкам. Затем они подвергались анализу и математической обработке, сравнивались отклонения от норм языка в речи родителей и детей, принадлежащих к одной семье. Разрабатывалась типология семей, в основе которой лежали данные о том, какая подсистема русского языка используется в речи родителей и детей.

Результаты исследования

В ходе исследования были выявлены четыре группы семей по отношению к нормативности русской речи в нарративах.

Группа I. Речь родителей и детей соответствует нормам литературного языка

В нарративах пяти семей (семьи № 2, 5, 11, 16 и 17) отмечается полное отсутствие отклонений от норм литературного языка. В них не выявлено не только элементов, характерных для других подсистем русского языка, но и языковых изменений, свойственных русской эмигрантской речи (см. описания таких изменений в работах Е. А. Земской, Е. Ю. Протасовой, М. Ястребовой и других исследователей [Земская 2001; Протасова 2004; Ястребова 2018]).

В данной группе семей родители являются представителями интеллигенции, все они имеют высшее образование, среди них два доктора наук. Литературный русский язык в этих семьях является единственным средством общения: он сохраняется и культивируется. Дети овладевают им с детства, и, поскольку он богаче и структурно сложнее, чем другие подсистемы русского языка, элементы этих подсистем не проникают в него. В этих семьях развит контроль и самоконтроль нормативной речи. Можно полагать, что именно владение литературным языком является основным фактором, препятствующим утрате русского языка в диаспоре и способствующим его сохранению.

Родители и дети в этих семьях интегрированы в немецкое общество, но не ассимилированы и не стремятся ассимилироваться. Они владеют немецким языком, при этом влияния немецкого языка на их русскую речь в нарративах также не обнаружено. Таким образом, владение русским литературным языком является и фактором, препятствующим межъязыковой интерференции.

Эти пять семей составляют 25 % от всех семей, обследованных в ходе научного исследования. Хотя в целом доля таких семей в Германии может быть больше или меньше, можно полагать, что сохранение литературного языка в диаспоре встречается не так уж редко.

Группа II. Речь родителей и детей содержит элементы, не соответствующие нормам литературного языка

Вторая группа, включающая девять семей (семьи № 4, 6, 9, 12, 14, 15, 18–20), использует в нарративах подсистему русского языка, называемую просторечием (см. [Земская, Шмелев 1984; Крысин 1989б; Химик 2000; Шапошников 2012] и др.).

Русское просторечие как подсистема языка не кодифицировано, не имеет своих норм [Вербицкая 2013], но при этом сохраняет ряд общих черт независимо от региональной принадлежности. Вместе с тем имеются и региональные особенности: так, например, русское просторечие на Украине отличается от московского или петербургского, которые намного ближе к литературному языку.

Приведем в таблице 1 отдельные примеры элементов просторечия из нарративов семей, родители в которых являются выходцами с юга России или с Украины.

Таблица 1. Элементы просторечия в нарративах детей и родителей (группа II)

Номер семьи	Место жительства родителя до эмиграции	Элементы просторечия в нарративах родителей	Элементы просторечия в нарративах детей
4	Харьков, Украина	<i>помрем / видать / с голоду совсем //</i>	<i>так шо он пошел в лес / искать ее //</i>
9	Жирновск, Волгоградская область, Россия	<i>они очень долго на нее любовались // они вышли из дома / нарядились в большие сапоги... собачка спряталась / чтобы пчелы не покусали ее //</i>	<i>собачка смотрит в улей / и из улья вылетают пчелы / а из норки вылазает крот // а там прибежали тада еще маленькие //</i>
16	Одесса, Украина	<i>я думаю / что он одну из лягушек взял с собой / и пошел отправлять их / в пруд садить //</i>	<i>и они увидели ихнего нового друга / с другой лягушечкой //</i>
20	Донецк, Украина	<i>а тепа в это время подошел к пчелам / он нашел ихнее гнездо, улей // так шо он пошел в лес искать ее // тепа заинтересовался пчелами / потому шо он не знал / что это такое</i>	<i>они увидели очень... очень много других маленьких лягушек / которые оказались семьей от ихнего нового друга // мальчик надел какие-то очень огромные сапоги / такое впечатление / шо он собирается пойти куда-нибудь на пруд //</i>

Вторая группа составляет 45 % всех семей, обследованных в ходе выполнения научного проекта, и это свидетельствует о широком распространении просторечия в общении представителей русскоязычной диаспоры в Германии. При этом, как и в исследовании И. Дубининой и М. Полински, проведенном в США [Dubinina, Polinsky 2012], в Германии выделяются две разновидности русского просторечия: южнорусская (включая и украинскую), характерная, в частности, для представителей еврейской диаспоры, и среднерусская. Имеются и переходные случаи, что показывает приведенный выше пример из нарратива родителя, выходца из Донецка, в котором союз *что* употребляется в двух вариантах: *тепа заинтересовался пчелами / потому **шо** он не знал / **что** это такое //*.

Родители во второй группе семей являются представителями разных профессий, в том числе и рабочих, несмотря на то что почти все они имеют высшее образование, полученное до переселения в Германию. Они также стремятся к тому, чтобы их дети сохраняли русский язык, однако в своем семейном общении они используют тот разговорный язык, на котором они говорили на родине и на котором говорит между собой большая часть русско-немецкого сообщества Германии. Их дети в возрасте 10–15 лет изучают литературный русский язык в субботних и воскресных школах, однако образцом для них остается речь родителей, что коррелирует с результатами исследований в области родительского инпута [Gagarina et al. 2014; Gagarina, Klassert 2018 и др.].

Группа III. Речь родителей соответствует нормам литературного языка, а в речи детей содержатся элементы просторечия

В ходе исследования были выявлены четыре семьи (семьи № 1, 3, 7 и 8), в которых речь родителей соответствовала нормам литературного языка, а в речи детей присутствовали элементы просторечия. Например, в речи детей отмечены примеры с такими отклонениями от норм: *И в этой фамилии там была эта лягушка, **шо** исчезла; мальчик и собака нашли лягушку и **держать** ее в банке; и на следующей там фамилия **ихняя** пришла, **ихние** дети.*

Эти примеры позволяют предположить, что на речь детей-билингвов могут оказывать влияние не только родители, но и ближайшие родственники (бабушки, дедушки, тети, дяди), живущие как в Германии, так и в русскоязычных странах. Родители могут владеть литературным языком, но при этом не уделять должного внимания речи детей и не исправлять в ней отклонения от норм литературного русского языка. Другим объяснением появления третьей группы может быть то, что взрослые информанты, понимая, что их речь записывается, контролируют ее и стараются использовать нормативный русский язык. Дома же в общении с детьми они используют просторечие.

Несомненно, в данном случае имеет место феномен, описанный в социолингвистической литературе, — «двуязычие» носителей языка, под которым понимается владение не двумя языками, а двумя подсистемами одного языка [Ларин 1928]. С этим связано и явление переключения кодов, в нашем случае свободное переключение с одной подсистемы языка на другую, что описывалось в ряде научных работ (см. [Беликов, Крысин 2001: 27–32; Нецименко 2000] и др.).

Поскольку в семьях третьей группы в общении родителей и детей используется просторечие, можно полагать, что она сближается со второй, а не с первой группой.

Группа IV. Речь детей соответствует нормам литературного языка, а в речи родителей содержатся элементы просторечия

По данным анализа транскриптов в двух семьях (№ 10 и 13) речь детей соответствует нормам литературного языка, а в речи родителей выявлены элементы просторечия. Полагаем, что в данных семьях средством общения также служит просторечие, но «двуязычными» являются не родители, а дети, овладевающие литературным языком в русских школах. Родители же, несмотря на то что один из них имеет высшее образование, литературным языком не пользуются и, возможно, в полной мере им не владеют. Этот феномен также хорошо известен: если ранее считалось, что просторечие является показателем низкого уровня образования, то в наше время носителями просторечия могут быть и лица с высшим образованием [Купина 2000].

Представим обобщенные данные по каждой из 20 семей в табл. 2.

Таблица 2. Подсистемы русского языка в нарративах детей и родителей

Номер семьи	Родители	Дети	Средство общения в семье
1	ЛЯ	П	П
2	ЛЯ	ЛЯ	ЛЯ
3	ЛЯ	П	П
4	П	П	П
5	ЛЯ	ЛЯ	ЛЯ
6	П	П	П
7	ЛЯ	П	П
8	ЛЯ	П	П
9	П	П	П
10	П	ЛЯ	П
11	ЛЯ	ЛЯ	ЛЯ
12	П	П	П
13	П	ЛЯ	П
14	П	П	П
15	П	П	П
16	ЛЯ	ЛЯ	ЛЯ
17	ЛЯ	ЛЯ	ЛЯ
18	П	П	П
19	П	П	П
20	П	П	П

Сокращения: ЛЯ — литературный язык, П — просторечие.

Таким образом, в русскоязычных семьях в Германии используются две подсистемы русского национального языка: литературный язык и просторечие. В исследованном нами материале литературный язык служит средством общения только в пяти семьях, что составляет 25 % всех семей. При этом именно он обеспечивает сохранение русского языка в диаспоре, так как препятствует внутрисконтактной и контактной аттриции.

Случаи аттриции появляются в нарративах второй, третьей и четвертой групп семей, средством общения в которых служит просторечие (75 % семей). Так, было установлено, что в активный словарь некоторых детей-билингвов не входят слова *семья, собака, банка, улей, нора, дупло*. Отмечены замены слова *семья* словом *фамилия* и слова *собака* словом *дог*, являющимися прямыми заимствованиями из немецкого и английского языков: и на следующий там / **фамилия** ихняя пришла / ихние дети; тогда в следующей картинке / выглядит как будто / как будто мальчик и пёсик / у какого-то ручья / потому что **дог** / пёсик в воде / и мальчик показывает пёсику / что он должен быть тихим. В последнем случае информант сам себя исправляет: заменяет слово *дог* словом *пёсик*. Именно слово *пёс*, а не более распространенное в русском языке *собака* употребляется и в нарративе другого ребенка: я с моим пёсом / мани / смотрели на лягушку в банке //. Возможно, в последних примерах слово женского рода *собака* вытесняется словом мужского рода *пёс* под влиянием немецкого слова мужского рода *der Hund*. Впрочем, в транскриптах других информантов встречаются слова *собака* и *собачка*, что подчеркивает индивидуальный характер владения первым языком и процессов аттриции и коррелирует с положением о неоднородности уровня владения языком в рамках одной и той же возрастной группы.

Под влиянием немецкого *Glas* слово *банка* заменяется словами *стекло, стакан, бутылка*: лягушку он положил в **стакан**; собачка и мальчик встали / смотрят в **бутылку**; из **стекла** ночью / когда мальчик и собака заснул / лягушка выпалзывает. Под влиянием *Nöhle* слова *нора* и *дупло* заменяются словами *дыра, дырка, ямка, пещерка*: я в это время смотрел в **пещерку** / там ее тоже не было; мальчик посмотрел в **дыре** / позвал его / но там никто не вышел; в дубе была **дырка** / в этой **дырке** / они тоже не могли ее найти. Под влиянием *Voden* слово *земля* иногда заменяется словом *пол*: а с дерева у нас упал улей **на пол** //.

Об утрате слов родного языка свидетельствуют также замены слова *улей* описательными конструкциями *пчелиный дом; дом, где живут пчёлы; домик пчёл: они искали ее в норе / в доме от пчел* //, замена слова *банка* гиперонимом *посуда: она вылезла из посуды* / и уходила дальше от них, замена слова *жужжание* окказионализмом *жужж: собака гавкала / и потом дом от жужжа / упал вниз и все / и все / все побежали за собакой*.

Заключение

Анализ нарративов двух поколений русско-немецких билингвов в Германии показал, что средствами семейного общения в диаспоре служат две подсистемы русского национального языка: литературный язык и просторечие. В исследуемом материале литературный язык используется в 25 % семей, просторечие — в 75 % семей. Литературный язык не подвержен внутрисконтактной и контактной аттри-

ции. Все отмеченные случаи аттриции характерны для информантов, владеющих просторечием. Эти данные имеют не только социолингвистическое, но и лингводидактическое значение. Они свидетельствуют о необходимости обучения литературному языку детей соотечественников как важного фактора сохранения русского языка в диаспоре.

Процессы, описанные в настоящей статье, вероятно, распространяются и на монолингвов, проживающих в России, что требует отдельного исследования. Имеются основания предполагать, что существуют более общие закономерности речевого онтогенеза, связанные с овладением и владением двумя указанными подсистемами русского языка.

Описанная в настоящей статье типология семей имеет значение для теории билингвизма. Она показывает, что описанные в научной литературе закономерности развития унаследованного языка не носят общего характера. Во всяком случае, они не проявляются в речи детей 10–15 лет, носителей литературного языка. Возможно, термины *унаследованный язык* или *эритажный язык* должны применяться по отношению только к детям-билингвам, в семьях которых средством общения является просторечие.

Литература

- Байкулова 2006 — Байкулова А. Н. *Речевое общение в семье*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- Беликов, Крысин 2001 — Беликов В. И., Крысин Л. П. *Социолингвистика*. М.: Изд-во РГГУ, 2001.
- Вербицкая 2013 — Вербицкая Л. А. *Русская орфоэпия*. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2013.
- Занадворова 2003а — Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи). В кн.: Крысин Л. П. (ред.). *Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация*. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 277–340.
- Занадворова 2003б — Занадворова А. В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи). В кн.: Крысин Л. П. (ред.). *Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация*. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 381–402.
- Земская 2001 — Земская Е. А. (ред.). *Язык русского зарубежья: Обищие процессы и речевые портреты*. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2001.
- Земская, Шмелев 1984 — Земская Е. А., Шмелев Д. Н. (ред.). *Городское просторечие: Проблемы изучения*. М.: Наука, 1984.
- Капанадзе 1989 — Капанадзе Л. А. Семейный диалог и семейные номинации. В сб.: Шмелев Д. Н. (ред.). *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. С. 100–105.
- Крысин 1989а — Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях. В сб.: Шмелев Д. Н. (ред.). *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. С. 78–86.
- Крысин 1989б — Крысин Л. П. *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*. М.: Наука, 1989.
- Кукушкина 1989 — Кукушкина Е. Ю. «Домашний язык» в семье. В сб.: Шмелев Д. Н. (ред.). *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. С. 96–100.
- Купина 2000 — Купина Н. А. Предисловие. В сб.: Купина Н. А. (ред.). *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 3–12.
- Ларин 1928 — Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города. В сб.: *Русская речь. Новая серия*. Вып. 3. Л.: Academia, 1928. С. 61–74.
- Лыпкань 2022 — Лыпкань Т. В. Динамика фонетических межпоколенческих изменений глухости и звонкости смычных взрывных согласных в русской речи билингвов (Германии). *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2022, 6S: 10–16.

- Михайлова, Михайлова 2018 — Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Речевой конфликт в семейном общении. *Научный диалог*. 2018, 11: 50–62.
- Нещименко 2000 — Нещименко Г. П. К проблеме функциональной дифференциации этнического языка. В сб.: Крысин Л. П. (ред.). *Русский язык сегодня*. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 208–220.
- Протасова 2004 — Протасова Е. Ю. *Феннороссы. Жизнь и употребление языка*. Санкт-Петербург: Злагоуст, 2004.
- Химик 2000 — Химик В. В. *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*. СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2000.
- Шапошников 2012 — Шапошников В. Н. *Просторечие в системе русского языка на современном этапе*. М.: Либроком, 2012.
- Ястребова 2018 — Ястребова М. *Русский язык в Германии под влиянием миграции: грамматические отклонения в речи подростков и молодых взрослых. Das Russische in Deutschland unter dem Einfluss der Migration: grammatische Abweichungen in der Rede von Jugendlichen und jungen Erwachsenen*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.). Leipzig: Universität Leipzig, 2018.
- Andrews 2006 — Andrews D. R. The role of Émigré Russian in redefining the “Standard”. *Journal of the Slavic Linguistics Society*. 2006, 14 (2): 169–189.
- Anstatt 2010 — Anstatt T. Kognitive Strategien Zweisprachiger: Lösungen lexikalischer Probleme im Russischen bilingualer Kinder und Jugendlicher. In: Anstatt T., Norman B. (eds). *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. Славянские языки в свете когнитивной лингвистики*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. P. 217–239.
- Anstatt 2011 — Anstatt T. Russisch in der zweiten Generation. Zur Sprachsituation von Jugendlichen aus russischsprachigen Familien in Deutschland. In: Eichinger L. M., Plewnia A., Steinle M. (eds). *Sprache und Integration. Über Mehrsprachigkeit und Migration*. Tübingen: Narr Verlag, 2011. P. 101–128.
- Bamberg 1987 — Bamberg M. *The acquisition of narrative: Learning to use language*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
- Benmamoun, Montrul, Polinsky 2010 — Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. *White paper: Prolegomena to heritage linguistics*. Cambridge: Harvard University, 2010.
- Benmamoun, Montrul, Polinsky 2013 — Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. Heritage languages and their speakers opportunities and challenges for linguistics. *Theoretical Linguistics*. 2013, 39 (3–4): 129–181.
- Berman, Slobin 1994 — Berman R., Slobin D. I. (eds). *Different ways of relating events in narrative: a cross-linguistic developmental study*. Hillsdale: Erlbaum, 1994.
- Bylund 2009 — Bylund E. Maturation constraints and first language attrition. *Language Learning*. 2009, 59 (3): 687–715.
- Dubinina, Polinsky 2012 — Dubinina I., Polinsky M. Russian in the U. S. In: Moser M., Polinsky M. (eds). *Slavic Languages in Migration*. Wien: LIT, 2012. P. 1–28.
- Gagarina et al. 2014 — Gagarina N., Armon-Lotem Sh., Altman C., Burstein-Feldman Zh., Klassert A., Topaj N., Golcher F., Walters J. Age, input quantity and their effect on linguistic performance in the home and societal language among Russian-German and Russian-Hebrew preschool children. In: Silbereisen R. K., Titzmann P. F., Shavit Y. (eds). *The Challenges of Diaspora Migration Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany*. Farnham: Ashgate Publishing, 2014. P. 63–82.
- Gagarina, Klassert 2018 — Gagarina N., Klassert A. Input dominance and development of home language in Russian-German bilinguals. *Frontiers in Communication-Language Sciences*. 2018, 3 (40): 1–14.
- Klassert, Gagarina 2010 — Klassert A., Gagarina N. Der Einfluss des elterlichen Inputs auf die Sprachentwicklung bilingualer Kinder: Evidenz aus russischsprachigen Migrantenfamilien in Berlin. *Diskurs Kindheits- und Jugendforschung*. 2010, 4: 413–425.
- Köpke, Schmid 2004 — Köpke B., Schmid M. S. Language attrition: the next phase. In: Schmid M. S. et al. (eds). *First Language Attrition: Interdisciplinary perspectives on methodological issues*. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 1–43.
- Montrul 2008 — Montrul S. *Incomplete Acquisition in Bilingualism: re-examining the age factor*. Amsterdam: John Benjamins, 2008.

- Pallier 2007 — Pallier C. Critical periods in language acquisition and language attrition. In: Köpke et al. (eds). *Language Attrition: theoretical perspectives*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 155–168.
- Pires, Rothman 2009 — Pires A., Rothman, J. Child and adult language acquisition, linguistic theory and (microparametric) variation. In: Pires A., Rothman J. (eds). *Minimalist Inquiries into Child and Adult Language Acquisition: Case Studies Across Portuguese*. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 2009. P. 5–33.
- Polinsky 2008 — Polinsky M. Heritage language narratives. In: D. M. Brinton, O. Kagan, Bauckus S. (eds). *Heritage language education: A new field emerging*. New York; London: Routledge, 2008. P. 149–164.
- Polinsky 2015 — Polinsky M. Heritage languages and their speakers: State of the field, challenges, perspectives for future work, and methodologies. *Zeitschrift für Fremdsprachenforschung*. 2015, 26 (1): 3–27.
- Polinsky 2018 — Polinsky M. *Heritage Languages and their Speakers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Polinsky, Kagan 2007 — Polinsky M., Kagan O. Heritage Languages: In the ‘Wild’ and in the Classroom. *Language and Linguistics Compass*. 2007, 1 (5): 368–395.
- Schmid, Köpke 2007 — Schmid M. S., Köpke, B. Bilingualism and attrition. In: Köpke B. et al. (eds). *Language Attrition: theoretical perspectives*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 1–7.

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2023 г.

Рекомендована в печать 16 июня 2023 г.

Leonid V. Moskovkin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
l.moskovkin@spbu.ru

Daria G. Kovrizhkina

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
dasha2509@inbox.ru

The Russian language in the narratives of two generations of Russian-German bilinguals

For citation: Moskovkin L. V, Kovrizhkina D. G. The Russian language in the narratives of two generations of Russian-German bilinguals. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (4): 858–871. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.411> (In Russian)

The article deals with the sociolinguistic features of Russian speech by 20 families of Russian-German bilinguals living in Germany. The informants were adult bilinguals aged 35–50 who moved to this country in the 1990s–2010s and their children aged 10–15 who were born in Germany or arrived there at an early age. The relevance of the study is due to the importance of studying the state of the Russian language in the families of Russian compatriots living abroad, its preservation and development. The purpose of the study is to determine which subsystems of the Russian national language are spoken by family members of Russian-German bilinguals. Research materials are transcripts of audio recordings of stories based on pictures from M. Mayer’s book “Frog, where are you?” Four groups of families in relation to the normativity of Russian speech in narratives are identified. The interpretation of the use of Russian language subsystems in each group from the standpoint of sociolinguistics is given. It has been established that the mean of communication in 25 % of families is the literary language, and in 75 % of families is the vernacular. Examples of language attrition in families using vernacular

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 21-48-04401 “Russian language in Germany: intergenerational changes”).

in communication are described. It is concluded that the literary language in the study groups is not subject to the attrition, that has not only sociolinguistic, but also linguodidactic significance, because it indicates the need to teach it to the children of compatriots as an important factor in preserving the Russian language in the diaspora.

Keywords: Russian language, Germany, Russian-German bilinguals, literary language, vernacular.

References

- Байкулова 2006 — Bajkulova A. N. *Verbal communication in the family*: PhD thesis abstract. Saratov, 2006. (In Russian)
- Беликов, Крысин 2001 — Belikov V. I., Krysin L. P. *Sociolinguistics*. Moscow: Izd-vo RGGU Publ., 2001. (In Russian)
- Вербичкая 2013 — Verbickaia L. A. *Russian orthoepy*. St. Petersburg: Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta Publ., 2013. (In Russian)
- Занадворова 2003а — Znadvorova A. V. Reflection of the social differentiation of the language in the language life of small social groups (on the example of a family). In: Krysin L. P. (ed.). *Sovremennii russkii iazyk. Sotsial'naiia i funktsional'naiia differenciatsiia*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. P. 277–340. (In Russian)
- Занадворова 2003б — Znadvorova A. V. Speech communication in small social groups (on the example of a family). In: Krysin L. P. (red.). *Sovremennii russkii iazyk. Social'naiia i funktsional'naiia differenciatsiia*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. P. 381–402. (In Russian)
- Земская 2001 — Zemskaja E. A. (ed.). *Language of the Russian Diaspora: General Processes and Speech Portraits*. Moscow; Vena: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001. (In Russian)
- Земская, Шмелев 1984 — Zemskaja E. A., Shmelev D. N. (eds). *Urban vernacular: Problems of study*. Moscow: Nauka Publ., 1984. (In Russian)
- Капанадзе 1989 — Kapanadze L. A. Family dialogue and family nominations. In: Shmelev D. N. (ed.). *Iazyk i lichnost'*. Moscow: Nauka Publ., 1989. P. 100–105. (In Russian)
- Крысин 1989а — Krysin L. P. On speech behavior of a person in small social communities. In: Shmelev D. N. (ed.). *Iazyk i lichnost'*. Moscow: Nauka Publ., 1989. P. 78–86. (In Russian)
- Крысин 1989б — Krysin L. P. *Sociolinguistic aspects of the study of the modern Russian language*. Moscow: Nauka Publ., 1989. (In Russian)
- Кукушкина 1989 — Kukushkina E. Iu. "Home language" in the family. In: Shmelev D. N. (ed.). *Iazyk i lichnost'*. Moscow: Nauka Publ., 1989. P. 96–100. (In Russian)
- Купина 2000 — Kupina N. A. Preface. In: Kupina N. A. (ed.). *Kul'turno-rechevaia situatsiia v sovremennoi Rossii*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2000. P. 3–12. (In Russian)
- Ларин 1928 — Larin B. A. On the linguistic study of the city. In: *Russkaia rech'. Novaia seriia*. Iss. 3. Leningrad: Academia Publ., 1928. P. 61–74. (In Russian)
- Лыпкань 2022 — Lypkan' T. V. Dynamics of phonetic intergenerational changes in deafness and voicedness of stop plosive consonants in the Russian speech of German bilinguals. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. 2022, 6S: 10–16. (In Russian)
- Михайлова, Михайлова 2018 — Mikhailova O. A., Mikhailova Iu. N. Speech conflict in family communication. *Nauchnyi dialog*. 2018, 11: 50–62. (In Russian)
- Нещименко 2000 — Neshchimenko G. P. On the problem of functional differentiation of the ethnic language. In: Krysin L. P. (ed.). *Russkii iazyk segodnia*. Iss. 1. Moscow: Azbukovnik Publ., 2000. P. 208–220. (In Russian)
- Протасова 2004 — Protasova E. Iu. *Fennorossy. Life and use of language*. St. Peterburg: Zlatoust Publ., 2004. (In Russian)
- Химик 2000 — Himik V. V. *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyj fenomen*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet S.-Peterb. gos. un-ta Publ., 2000. (In Russian)
- Шапошников 2012 — Shaposhnikov V. N. *Vernacular in the system of the Russian language at the present stage*. Moscow: Librokom Publ., 2012. (In Russian)

- Ястребова 2018 — Iastrebova M. *Russian language in Germany influenced by migration: grammatical deviations in the speech of adolescents and young adults*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.). Leipzig: Universität Leipzig, 2018. (In Russian)
- Andrews 2006 — Andrews D.R. The role of Émigré Russian in redefining the “Standard”. *Journal of the Slavic Linguistics Society*. 2006, 14 (2): 169–189.
- Anstatt 2010 — Anstatt T. Kognitive Strategien Zweisprachiger: Lösungen lexikalischer Probleme im Russischen bilingualer Kinder und Jugendlicher. In: Anstatt T., Norman B. (eds). *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. Slavianskie iazyki v svete kognitivnoi lingvistiki*. Wiesbaden: Harrasowitz, 2010. P.217–239.
- Anstatt 2011 — Anstatt T. Russisch in der zweiten Generation. Zur Sprachsituation von Jugendlichen aus russischsprachigen Familien in Deutschland. In: Eichinger L. M., Plewnia A., Steinle M. (eds). *Sprache und Integration. Über Mehrsprachigkeit und Migration*. Tübingen: Narr Verlag, 2011. P. 101–128.
- Bamberg 1987 — Bamberg M. *The acquisition of narrative: Learning to use language*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
- Benmamoun, Montrul, Polinsky 2010 — Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. *White paper: Prolegomena to heritage linguistics*. Cambridge: Harvard University. 2010.
- Benmamoun, Montrul, Polinsky 2013 — Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. Heritage languages and their speakers opportunities and challenges for linguistics. *Theoretical Linguistics*. 2013, 39 (3–4): 129–181.
- Berman, Slobin 1994 — Berman R., Slobin D.I. (eds). *Different ways of relating events in narrative: a cross-linguistic developmental study*. Hillsdale: Erlbaum, 1994.
- Bylund 2012 — Bylund E. Maturational constraints and first language attrition. *Language Learning*. 2009, 59 (3): 687–715.
- Dubinina, Polinsky 2012 — Dubinina I., Polinsky M. Russian in the U.S. In: Moser M., Polinsky M. (eds). *Slavic Languages in Migration*. Wien: LIT, 2012. P.1–28.
- Gagarina et al. 2014 — Gagarina N., Armon-Lotem Sh., Altman C., Burstein-Feldman Zh., Klassert A., Topaj N., Golcher F., Walters J. Age, input quantity and their effect on linguistic performance in the home and societal language among Russian-German and Russian-Hebrew preschool children. In: Silbereisen R. K., Titzmann P.F., Shavit Y. (eds). *The Challenges of Diaspora Migration Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany*. Farnham: Ashgate Publishing, 2014. P.63–82.
- Gagarina, Klassert 2018 — Gagarina N., Klassert A. Input dominance and development of home language in Russian-German bilinguals. *Frontiers in Communication-Language Sciences*. 2018, 3 (40): 1–14.
- Klassert, Gagarina 2010 — Klassert A., Gagarina N. Der Einfluss des elterlichen Inputs auf die Sprachentwicklung bilingualer Kinder: Evidenz aus russischsprachigen Migrantenfamilien in Berlin. *Diskurs Kindheits- und Jugendforschung*. 2010, 4: 413–425.
- Köpke, Schmid 2004 — Köpke B., Schmid M.S. Language attrition: the next phase. In: Schmid M.S. et al. (eds). *First Language Attrition: Interdisciplinary perspectives on methodological issues*. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P.1–43.
- Montrul 2008 — Montrul S. *Incomplete Acquisition in Bilingualism: re-examining the age factor*. Amsterdam: John Benjamins, 2008.
- Pallier 2007 — Pallier C. Critical periods in language acquisition and language attrition. In: Köpke et al. (eds). *Language Attrition: theoretical perspectives*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P.155–168.
- Pires, Rothman 2009 — Pires A., Rothman J. Child and adult language acquisition, linguistic theory and (microparametric) variation. In: Pires A., Rothman J. (eds). *Minimalist Inquiries into Child and Adult Language Acquisition: Case Studies Across Portuguese*. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 2009. P.5–33.
- Polinsky 2008 — Polinsky M. Heritage language narratives. In: D.M. Brinton, O. Kagan, Bauckus S. (eds). *Heritage language education: A new field emerging*. New York; London: Routledge, 2008. P.149–164.
- Polinsky 2015 — Polinsky M. Heritage languages and their speakers: State of the field, challenges, perspectives for future work, and methodologies. *Zeitschrift für Fremdsprachenforschung*. 2015, 26 (1): 3–27.
- Polinsky 2018 — Polinsky M. *Heritage Languages and their Speakers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

- Polinsky, Kagan 2007 — Polinsky M., Kagan O. Heritage Languages: In the ‘Wild’ and in the Classroom. *Language and Linguistics Compass*. 2007, 1 (5): 368–395.
- Schmid, Köpke 2007 — Schmid M. S., Köpke B. Bilingualism and attrition In: Köpke B. et al. (eds). *Language Attrition: theoretical perspectives*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 1–7.

Received: April 20, 2023

Accepted: June 16, 2023